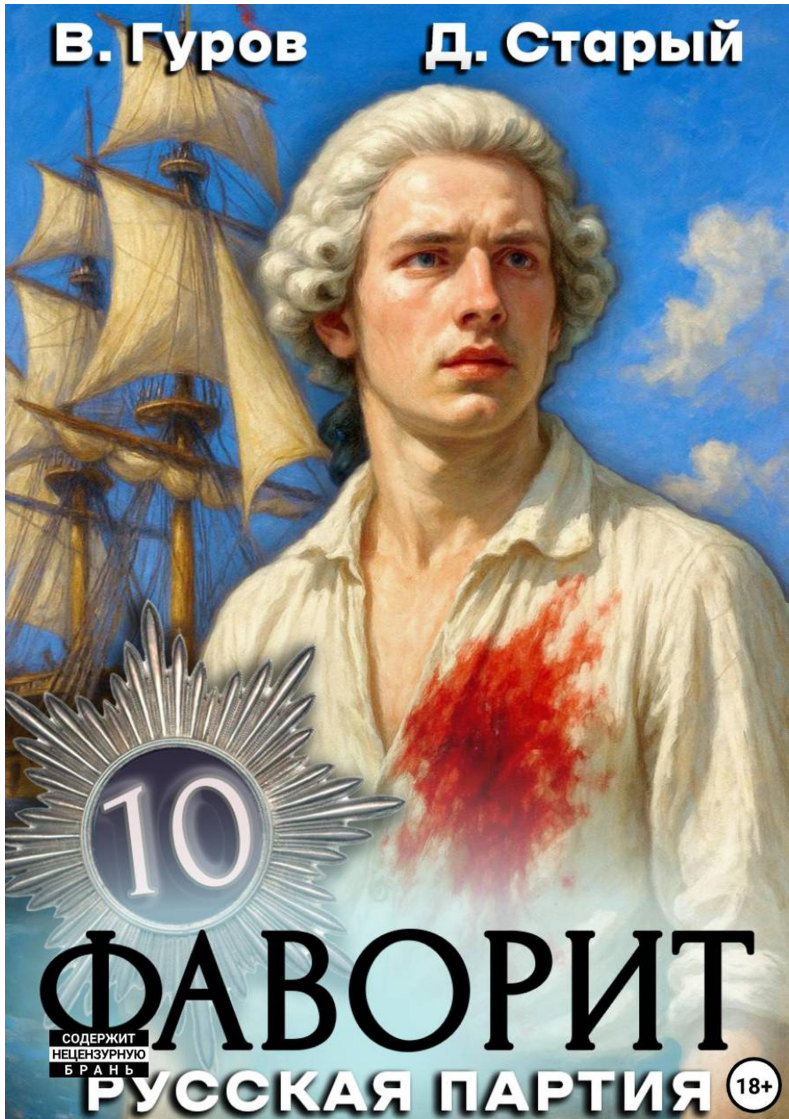

В. Гуров

Д. Старый

10

ФАВОРИТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

РУССКАЯ ПАРТИЯ

18+

Денис Старый Валерий Гуров Фаворит 10. Русская партия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73165278

SelfPub; 2026

Аннотация

Очнулся – кровь на лице, палуба дрожит, пушки молчат. Французы на горизонте. На фрегате паника. Капитан-француз приказывает сдаться.

А я? Я ветеран. Прошел Великую Отечественную. И у меня один принцип: РУССКИЕ НЕ СДАЮТСЯ.

Теперь я в 1730-х. Успел поднять бунт на корабле, сохранить честь флага и попасть под военный трибунал.

Но я не сломаюсь.

Бирон, Анна Иоанновна, тайная канцелярия? Пусть приходят.

Я здесь не для того, чтобы вписаться в историю.

Я здесь, чтобы ее переписать.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	37
Глава 4	51
Глава 5	67
Глава 6	80
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Денис Старый, Валерий Гуров

Фаворит 10. Русская партия

Глава 1

Три вещи делают нацию процветающей и благоденствующей: плодородная почва, деятельная промышленность, легкость передвижения людей и товаров.

Ф. Бэкон

Петербург

15 мая 1736 год.

Пётр Иванович Шувалов с красными от недосыпа глазами стоял на сооружённой буквально двумя днями ранее деревянной сцене, выполненной по чертежам Александра Лукича Норова.

Вот ещё одно новшество, которое сперва было абсолютно непонятно, даже для уже готового на многое новое Петра Ивановича, сейчас, когда всё готово, кажется очень даже органичным и правильным.

В том, что можно назвать амфитеатром, но, правда, с большими допущениями, под крышей, чтобы и дождь не по-

мешал собранию, на ступенчатых скамейках сидели более трехсот человек. Присутствующим приходилось плотно прижиматься друг к другу, чтобы не стоять рядом со скамейками, но сидеть на них.

А ведь когда Торгово-Промышленное товарищество объявило, что ждёт всех предприимчивых людей Российской империи в начале мая в Петербурге, да еще и некоторым были отправлены персональные приглашения, то отписались меньше ста человек, что непременно придут. И то, из этой сотни были те торговцы и начинающие промышленники, которые так или иначе связаны с Торгово-Промышленным товариществом.

Но вот прошёл слух, а вернее, его специально пустили, что торговых и промышленных людей собирает сам канцлер Российской империи, причём приставка «будущий» уже никем не использовалась.

Ну и, конечно же, распускались слухи о том, что если кто не приедет и не поклонится новому “хозяину постели” Елизаветы Петровны, а заодно и Анны Леопольдовны, матери должного родиться русского императора, то нахал, конечно же, поссорится с господином Норовым.

И все знали, что у Норова характер норовистый. Этот может и в Петропавловскую крепость заключить, если что не угодно. Самого Остермана скинул! А эта фигура казалась не потопляемой.

– А что же ему будет, коли он двух государынь греет с со-

бой! – перед началом открытия праздника торговли и промышленности, как это называлось, между собой разговаривали два купца и начинающих промышленников: Мясоедов и Колыванов – старые конкуренты, у которых, впрочем, конкуренция никогда не выходила за рамки почти что дружеского соперничества. Они даже и породниться детьми успели.

Может, потому и говорили о таких крамольных вещах, за которые и сосланными можно оказаться, что знали друг друга и понимали, что разговор этот не уйдешь другим ушам.

– Силён, небось, Норов, что аж двух цариц, да ещё и жёнку свою убажает... Такой муж и добре, что канцлером будет. Ну не бабам же власть отдавать всю! И наш он, русский, хоть бы не немец, – отвечал своему приятелю и свату купчина Никита Иванович Колыванов.

– Говаривают, что из шведов он. Но я не верю. Бил жа шведа крепко. Еще говаривали, что татарин крымский... Так как такое может быть, коли он жа и Крым брал, – говорил Илья Фомич Мясоедов.

Но далеко не все были уверены в том, что Норов пробился на вершину власти исключительно через постель. Распространялись и другие слухи, подкреплённые в том числе и статьями в газетах, и действительно делами будущего канцлера Российской империи.

Если тот же Остерман казался лисом, хитрым, забившимся в свою нору и нос оттуда не кажушим, и никто не знал о том, что Андрей Иванович Остерман на самом деле когда-то

был и военным, и даже пиратом, то вот о новом канцлере, как о военном знали все.

Конечно же, знали и о том, что именно он спас Петербург от нашествия шведов. Так что петербургские купцы и промышленники либо сами прибыли на это празднество, либо же прислали своих представителей. Уже в благодарность за спасение.

А вот другие, до сих пор пребывающие в столицу на такое большое мероприятие, спешат ровно после того, как узнали, что праздник-то устраивает сам канцлер. А он, если пожелает, так любого за пояс заткнёт, ибо славный среди военных и “ночная кукушка” в постели с царственными бабами.

– Други моя, братья и сёстры во Христе! – начинал свою длинную и, возможно, пламенную речь Пётр Иванович Шувалов. – Собрались мы, кабы сдвинуть промышленность и торговлю в России...

Шувалов говорил и говорил, но постепенно понимал, что его речь и его слова как-то не сильно впечатляют людей. Всё же Пётр Иванович не столько оратор, как администратор и управленец. Красиво умеет не говорить, а указывать своим подчиненным.

– Каждый из вас сможет узнать о том, что будет происходить на нашем празднестве, – не прочитав и половины своей заготовленной речи, Пётр Иванович свернул её и решил перейти уже к непосредственному деловому общению, в котором он был большим мастером, чем в красноречии.

Программу и план мероприятий первоначально планировалось выдать каждому. Распечатали сто пятьдесят экземпляров. Но сейчас, учитывая то, что уже больше трехсот человек прибыло на открытие праздника, конечно же, всем не хватает.

Уже скоро Шувалов сошёл со сцены, уступая место актёрам. Конечно, общество собралось такое, что спектакль не покажешь, да и многие песни не споёшь. Это в такую новинку, что многие и разбежаться могут, устроясь гнева Господня.

Поэтому репертуар саксонской труппы, которая прибыла в Петербург и уже здесь обосновалась, тщательно подбирался, чтобы ни у кого не вызвало оторопи от того, что может происходить на сцене. Они показали сцены из Библии, да спели нерелигиозных пару песен.

— Ой, цветёт калина в поле у ручья, парня молодого полюбила я... — а это уже исполняли песни девицы из только-только начавшего формироваться Русского театра.

Причём тут бы добавить ещё слово «народного». Но пока с такой формулировкой театр будет звучать как “мужицкий”. И дворяне, да и мещане, которые и смогут платить за билеты, когда театр разразится представлениями, туда просто не пойдут. Ну не мужики же они!

Так что ещё многое придётся менять в Русском государстве, и отношение к слову «народ» тоже должно измениться.

Илья Фомич Мясоедов и Никита Иванович Колыванов

смотрели на то, что происходит на построенной площадке, и диву давались. Где же таких голосистых девок-то понабирали? Да еще и... сочных.

– Ох, глянь, кака румяна! – сказал Мясоедов и разгладил свою бороду.

А взгляд был таков, будто бы прямо сейчас собирается ударить во все тяжкие грехи. Да и ударился. Илья Фомич такой...

– Ты не о том думай, сват, а разумом своим пораскинь! Да, может, пошли бы мы с тобой быстрее на ту выставку. Вот пока тут на девок румяных глазеть все будут, мы на выставке уже присмотрим себе, что хотим сделать и что возьмём для себя, – сказал Колыванов, дёргая своего свата за полы кафтана.

Нехотя, но всё же Мясоедов встал, пошёл на выход из амфитеатра. Действительно, выставка вот-вот должна открыться, сразу же после представления и слов всех тех, кто собирался говорить перед людьми со сцены. Зазывал и тех бирючей, что будут объяснять выгоды от механизмов и новшеств, от новых сельскохозяйственных культур, между выступлениями “румяных девок” будет немало.

Сваты пошли в те амбары, где и должны быть выставлены на обозрение многие механизмы и товары, которые можно с их помощью производить. Вот только на выставке уже были люди, и не так чтобы не протолкнуться, но возле некоторых экспонатов присутствовало по человек десять. А что же за

столпотворение начнётся, когда закончится концерт?

– Господи спаси и сохрани! – сказал Колыванов и стал креститься.

Паровая машина, размером в добрую крестьянскую избу, стояла рядом со входом в самый большой амбар. Она пыхла, пар вырывался наружу, но тут же вытягивался через большие окна рядом.

– Сват, глянь, хоть какие плуги! – восхищённо говорил Мясоедов, после того, как прочитал “Отче наш” и плюнул в сторону “дьявольской” машины.

И это восхищение плугами было куда как больше, чем той румяной девкой, или даже паровой машиной. Пусть Мясоедов по большей степени всё-таки купец, но не так чтобы сильно отошёл он от сельского хозяйства. Поэтому вполне разбирался и в плугах, и во многом другом, что сейчас предоставляется на выставке.

– Меха-ни-ческая сеял-ка! – прочитал Колыванов табличку, которая стояла возле на вид очень сложного агрегата.

И давай его рассматривать, рукой водить от одной детали к другой, прекрасно понимая, что вот тут зерно должно выпасть, вот тут оно должно притоптаться. Колёса только не понравились. По мнению мужика, который только три года назад занялся торговлей, колёса должны быть больше, а то будут утопать, и коню будет тяжелее тащить.

– Ох и зело дорого! – сокрушался Мясоедов.

– А сколь, по-твоему, такое чудо стоит должно? И без

того, как по мне, так и дёшево. Пять рублёв? Ну, будет дохлая корова за эти деньги. А сеялка эта заменит сразу трёх, а то и пятерых сеятелей. Сложность только в одном, что коли поломается – кто её чинить будет? – размышлял вслух Колыванов.

Размышлял, вопросы сам себе задавал, но и ответы у него были на многое. Ведь объясняли же и не раз и про условия покупки и то, где можно научиться пользоваться. При заводах, как знал Никита Иванович, при том же Ахтынском Петербургском заводе есть учебные классы. И уже всем было сообщено, чтобы они не боялись, что не смогут разобраться с тем или иным механизмом. Научат.

– Сам отучусь, да и сына своего отправлю учиться, вот и разберёмся во всех этих механизмах. Пока дают – бери! – наставительно сказал Колыванов.

– Ну а коли бьют – то беги! – пошутил его товарищ.

Многое на выставке впечатляло. Всё было продумано, казалось, до мелочей. В какой-то момент прямо на улице, под навесами, там, где стояли в ряд столов двадцать, не меньше, вынесли как бы не полсотни самоваров. Да каждый дымится! Ароматом отдаёт...

– Неужто чаем поить будут? – удивлялись люди.

Причём не только те, которые отродясь чаю не пробова-ли или делали это редко – не позволяли ни средства, ни возможность купить. Восхищались щедростью и те, кто чай пьёт каждый день, так как имеет большие прибыли от своих дел.

И может себе позволить такое излишество.

С другой же стороны, прямо сейчас рекламировались эти самые самовары. Многие из присутствующих теперь их купят. Ну и сам чай, поставки которого ожидаются под крылом сегодня же создаваемой Русско-Американской компании.

Но организаторы, конечно же, не рассчитывали на то, что все мероприятия окупятся. Более того, и финансовую душу министра Шувалова это сильно коробило: явно будут немалые убытки.

Впрочем, Пётр Иванович Шувалов прекрасно знал, зачем именно всё делается. Уже знал, проникся идеями Норова. И если бы не открытие Императорского Банка, который еще капитализировать нужно, то махнул бы рукой. Такой праздник – дело нужное. Но денег в казне почти и не было.

– Вот же Алексашка окаянный. Как есть дурень! – зло шептал Шувалов. – На кой все эти интриги, коли есть для России шанс превеликий для развития? Тут думать потребно о величии державы, а не разрушать ее заговорами.

– Ты что-то сказал, Пётр Иванович? – спросил у своего товарища Акинфий Никитич Демидов.

– Нет, всё в тревогах, чтобы прошло так, дабы канцлер не осерчал, – отмахнулся Шувалов.

Он, вместе с самым значимым промышленником России, чинно прохаживался между изб. Избы – это отдельные стены, на которых выставлялись те или иные новшества, что предполагалось внедрять в России.

Конечно же, Демидов на такое мероприятие прибыл. Особенно он ускорился из Москвы, когда пошли слухи, что Норова, отправившегося вновь воевать с турками, государыня своим указом намерена вот-вот назначить канцлером Российской империи.

И теперь Демидов решил раскошелиться куда как по-серьёзному, да закупить многие из механизмов. Не во все эти механизмы он верил, однако внедрять их будет. Если угодно канцлеру Норову, который так лихо забрался на вершину российской власти, чтобы механизмы присутствовали на заводах Демидова, то они там будут обязательно. Ну а помогут ли они производству... Не попробуешь – не узнаешь.

Вот только, как рассуждал Демидов, если не он будет внедрять, то Норов найдет того, кто будет это делать. Раз уж так важны всякие приблуды механические новому канцлеру.

– Смущает меня только то, что Александр Лукич негодует, что крепостные трудятся на заводах моих. Вот где же мне взять рабочих, дабы они трудились славно? И даже если пошлю в учебные классы многих из своих мастеровых, то и этого не хватит, чтобы было в достатке тех, кто в механизмах разбирается, – говорил Демидов.

Он не сказал о том, что боится: крепостное право вовсе могут отменить, и тогда его заводы опустеют. Но то, что и в этом направлении должны быть какие-то преобразования, всё русское общество уже знало, с тревогой смотрело на возможные резкие изменения.

– А не угоститься ли нам кренделем сахарным? Сахарок-то этот наш, не привозной. В поместье родителя Александра Лукича научились из свеклы делать. Мало пока сахарку-то и не дешевле он выходит заморского, но лиха беда началом, – сказал Шувалов, схватив с подноса предложенное лакомство.

Сладких кренделей напекли больше тысячи. Большие, по фунту весом. Таким можно и насытиться. И не хватило, чтобы накормить тех людей, которые прибыли на выставку. Потому, когда закончился концерт и хлынула основная масса людей, кормить их было уже нечем.

Обед, конечно, готовился, рестораны будут работать «на выезде», и Рыжая Марта суетилась и бегала, надрывая свой голос, призывала поваров и службу ускориться. Еще кормить будут из полевых кухонь, которые тут так же представлены.

– А что там по Американскому Товариществу? – вдруг спросил Демидов. – Отчего меня не зовете? Аль не люб стал чем?

Пётр Шувалов не стал спрашивать у промышленника, откуда он знает, что и такой вопрос был поднят. Понятно, что Акинфий Никитич держит ухо востро, и немало людей могут ему сообщать, что происходит в Петербурге и какие слухи ходят.

– Так сегодня же вечером в приватном зале Мангазеи будет накрыто. Вот там и поговорим, – сказал Шувалов.

– Миллионом вложусь! – резко и громко сказал Демидов.

Купцы и промышленники, которые были недалеко, а некоторые так старались и быть поближе к министру, остолбенели.

– Слышал, сват? Миллионом вкладывается! – услышав слова Демидова, заговорщицким шёпотом говорил Колыванов.

– Ну да тож Демидов! – отвечал ему Мясоедов, наставительно подняв указательный палец кверху.

– А слышал ли ты про Америки, о которых они говорят? – вновь заговорщицки спрашивал Колыванов.

Сват, конечно же, слышал. Министр и главный русский промышленник и не скрывали своих разговоров. И в купеческой среде уже ходили слухи, что может быть и податься в Америки, да посмотреть, что же там такого важного есть. Где не изведано, там и мехов много, золота, да железа. Но мало было таких, кто готов сорваться и отправиться на край Света. А может и за край.

– А что думаешь? – спросил Илья Фомич Мясоедов.

– Думаю я, что и мы должны вложиться, – отвечал ему родственник.

– Чем? Куда? – усмехнулся Мисоедов.

– Всем, что есть! – жёстко припечатал Колыванов. – Нынче будет образовано Русско-Американское товарищество. Серебра у нас есть, все двадцать пять тысяч мы и вложим в Америки!

– Сбрэндил ли ты, сват? Кто ж последнее вкладывает? – возмутился Мяседов.

Возмутился, но не сказать, что был категорически против. Ведь всё, или почти всё, что начинает делать Норов, да его окружение, всё это обрастает новыми деньгами, новыми прибылями и возможностями. И потому нужно урвать и вкладываться.

– Эти... Как их? В акции вложим! А ещё возьмём механизмы для обработки стволов и нарезов, и в Красноярске откроем производство! – сказал Колыванов.

Говорил он тихо, почти шёпотом, чтобы никто больше не услышал такую величайшую идею, способную принести огромные прибыли.

Возмущался Мяседов ещё не менее двадцати минут, да и потом не переставал бурчать. Ну никак ему не хотелось ехать куда-то далеко, чтобы там открывать производства. Но когда Колыванов сказал, что сам поедет и сына своего старшего возьмёт, а после наладит производство штуцеров и новых пуль в Красноярске, возвратится домой – Митрофанов посмотрел на это уже с большим интересом.

Ведь если конкурировать в европейской части России с предприятиями Демидова и Торгово-Промышленного товарищества было невозможно, то, как посчитал Колыванов, открытие Америки и начало её освоения – это большие возможности. И оружия там надо будет привеликое множество.

– Доставлять оружие из Петербурга, да и с Урала – весьма

накладно. Спрашивал я, как это далеко... Очень. Год пути. А коли мы сделаем в Красноярске, а после и в этих Американках своё производство, то через лет десять станем этими...

Кем именно они со сватом станут, Колыванов не вспомнил. Хотя читал экономический труд, что был издан не так давно в Академии наук. Можно было его прочесть в Петербургской библиотеке. И Колыванов, не будь дураком, решил узнать, что же это за такая экономика и как она будет полезна для всех его торговых и промышленных дел.

– Во! Маналистами станем с тобой! Ружья и пушки ладить будем там. Не сами, а через людей своих. И серебра много приобретём. И коли акции купим американские, то по первой будут покупать у нас всё в Америке. И знак этот получим... Как его?

– Поставщик Русской армии и флота! – закатив глаза, вспомнил название отличительного знака, который могут получить торговцы и промышленники.

День у сватов, Мясоедова и Колыванова, пролетел, как один час. А потом родственники долго не могли уснуть. Впечатлений было уйма. Они даже, как богатые, поужинали в ресторане. Чуть ли не всю ночь после строили планы. Казалось, что наутро проснутся, и всё то, что хотели родственники сделать, покажется для них нереальным. Но утром энтузиазм не иссяк.

Начинался второй день большого Торгово-Промышленного праздника. Всем гостям предлагалось посетить произ-

водство Ахтынского завода, поговорить с мастерами. Молодые учёные во главе с Ломоносовым и инженеры во главе с Нартовым готовили свои выступления и презентации. Что точно – никто из них пустым, без какого-либо механизма и без идеи, куда его применить, Петербург не покинет.

А то и был расчёт. Для того и строился Ахтынский завод, чтобы здесь создавать новинки, но в меньшей степени их множить, массово производить. Для этого должны найтись люди, которые загорятся идеей производств.

* * *

Хаджибей-Одесса.

20 мая 1736 года.

Я собирался ударить по Измаилу. Насколько было понятно, это ближайший хаб и место концентрации и распределения турецких войск. Эта крепость служила для турок примерно тем же самым, что ранее и Хаджибей – уже русская Одесса.

Если взять Измаил, то мы можем относительно небольшими силами, в том числе и флота, контролировать проход турок в Бессарабию и дальше в Молдавию. Мы просто отрезаем их и всю ту военную группировку, которая сейчас, хоть и значительно потрепанная, но численно ещё велика, закрылась в Бендерах и Яссах.

Конечно, может быть, мне не дают покоя лавры Александра Васильевича Суворова, который в реальности взял Измаил. Но я же прекрасно понимаю, что Суворов брал со-

вершенно другую крепость.

Судя по тем разведданным, которые удалось собрать, в том числе и с прибывавших в Хаджибей обозов, Измаил недостаточно хорошо укреплён. Представляет собой типичную крепость на холме, без излишеств и без большого насыщения артиллерией. Нет отдельных фортов, как в той, перестроенной, что пришлось брать Суворову.

И по размерам она явно сильно уступала Измаилу образца конца XVIII века иной реальности. Так что я считаю, что мы должны попробовать. Противника нужно постоянно удивлять, совершать нелинейные ходы. И тогда даже самые авантюрные операции могут состояться.

Безусловно, у меня были мысли насчёт того, чтобы высадиться в Константинополе. И вот это был бы уже такой нелинейный ход, который поставил бы всё с ног на голову.

Однако турки всё ещё имеют достаточно флот, чтобы воспрепятствовать десанту. Подставляться под турецкие пушки молодому Черноморскому флоту никак нельзя. Да, я знаю, что казаки в первой половине прошлого века умудрялись нападать на Константинополь и даже захватывать и некоторое время контролировать порты этого города. Но эти товарищи, видимо, были совершенно без башни, потому как авантюра уж слишком непрогнозируемая.

Сперва нужно добиться того, чтобы турки убрали свой флот из Чёрного моря. А уже потом лихим наскоком можно пробовать брать и Константинополь. В чём я уверен, так

это в том, что если моя дивизия прорвётся к городу, то в уличных боях мы точно одолеем турок. Но к городу ещё про-
рваться нужно.

Я хотел провести операцию, но были те, кто вредил мо-
им планам. Так что пришлось кое-кому накрутить хвост,
прежде чем отправиться в поход на Измаил.

Эта операция точно войдет в историю и России, да и все-
мирную, военную. Вот только тут есть варианты: или с меня
и России смеяться будут, что так бездарно загубил людей;
или восхищаться, гадая, сколько в этом деле было расчета, а
сколько чистого везения.

Так и я не знаю пропорций. Так что... Встречай нас, Из-
маил – город русской боевой славы!

Глава 2

Морскую болезнь вызывают у меня люди, а не море. Но, боюсь, наука ещё не нашла лекарства от этого недуга.
А. Эйнштейн

Хаджибей

20-21 мая 1736 года

Два года я в этом времени! Вот это да! Кажется – вот он, день, неделя. Вот они – поступки, действия. Но... оно не кажется, что все произошло, словно бы вдруг. Живешь в этом постоянном беге, а оглянешься, так горы свернул. Как?

На самом деле, у меня есть объяснения. Приведу пример, в прошлой жизни у меня был знакомый. Так... прожигал жизнь, перебивался заработками. А потом эмигрировал в одну англо-саксонскую страну. И... На трех работах работал. Говорил мне, что если бы так пахал на Родине, то богатым был бы и жил, может еще лучше, чем на чужбине. Проснулась у человека целеустремленность.

Может и у меня так? Или же я, столетний старик, уцепился за шанс зубами, как иным не под силу? Ложь, что старики жить не хотят. Очень хотят, с каждым годом все больше. Только признаваться не будут. Нет смысла, ибо все там окажемся. Получается, что не все, и что “ТАМ” это не конец.

За два года многое сделано. Но... Предстоит сделать еще

больше.

– Господин генерал-аншеф...

Я посмотрел на того, кто нарушил ход моих мыслей. Адъютант.

– Что там? Собрались на Совет?

– Так точно!

Я встал с мягкого кресла, поправил свой мундир, сшитый, между прочим уже тут, в Одессе, отправился в соседнюю комнату. Три раза в неделю, если ничего важного не происходит, мы и собирались на Совет. Сегодня совещание экстренное. Наконец-то прибыл один негодяй. Вице адмирал, командующий Черноморским флотом, Петр Петрович Бредадь.

– Я благодарю вас, господин Бредадь, за то, что вы всё-таки нашли время и прибыли ко мне, – с издевкой в голосе, сказал я вице-адмиралу, командующему Черноморским флотом. – Попрошу для меня и для всех присутствующих прояснить обстоятельства, в коих пребывает флот.

На самом деле я был необычайно зол на этого человека. Бредадь просто игнорировал меня, нашёл время мериться «харизмами». Мне же сообщали, что он говорил, когда читал мои послания. Мол, если генерал-лейтенанту Норову нужно, то он сам должен взять, да прибыть для разговора с Бредадем. Мало того, так он ещё и не отпускал от себя моего знакомого Петра Дефремери, капитана того фрегата, который я когда-то спас от позора, не дав захватить его французам.

Это определённо непонятное для меня противостояние между флотскими и армейскими бесило донельзя. Так что, когда мне сообщили, почему именно Бредаль отписался, что сильно занят и не может прибыть ко мне на встречу, я тут же послал вестового, чтобы сообщили этому вице-адмиралу, кто именно «папа в доме».

И как только он узнал, что я без пяти минут канцлер, а ещё и генерал-аншеф (хотя в письме это было указано), – тут же прибыл весь Черноморский флот к Хаджибею. Прибыл, поможет сделать то, что мне нужно. Но... Что-то мне кажется, что не тянет Петр Петрович быть командующим, несомненно в будущем, славного флота на Черном море. А даст Бог, так и Средиземного.

Флот – как много в этом слове для сердца русского... непонятного. Вроде бы Россия и морская держава, однако после Петра I флоту уделяется столь мало внимания, что его в расчёт не берёт практически никто. Морским офицерам, конечно же, это не нравится, и они стараются держать фасон.

К чести усопшей императрицы Анны Иоанновны нужно сказать, что, конечно же, флот при ней начал хоть как-то преобразовываться. Теперь же, если можно так выразиться, при мне, рассчитываю, что флот получит новый виток своего развития.

Но как развивать флот, если он весь сконцентрирован сейчас в Балтийском море? И хоть там есть небольшие успехи. Пришли сведения, что Архангельская эскадра смогла прой-

ти, во многом благодаря датчанам, через Датские проливы и соединилась с остальным Балтийским флотом.

Уж не знаю, – в это я не лезу, – будет ли принято решение дать генеральное морское сражение шведам? Но, судя по всему, его не избежать. Впрочем, своё мнение генерал-адмиралу Головину я высказал, а там пусть поступает как хочет. Ему явно виднее.

– Морского сражения шведам давать никак нельзя. Победы русского оружия в войне с турками на земле сделают свободный проход для торговых кораблей иных держав, и лучше всего морское сражение давать тогда, когда русские войска будут в Стокгольме, – заявил тогда я.

Специально я Головина не посещал, просто не было на это никакого времени. Мы смогли с ним перекинуться парой слов на приёме у Елизаветы Петровны, когда была зачитана внешнеполитическая доктрина Российской империи.

– Я жду доклада! – настаивал я, не выдерживая, пока Бредадь перестанет перекладывать одну бумажку к другой.

Педант, мля.

– Черноморский флот, а скорее всё же эскадра, состоит из следующих кораблей... – начал зачитывать на почти родном для себя датском языке состояние дел вице-адмирал Бредадь.

Он норвежец. Знает больше датский. При этом, уже скоро будет сорок лет, как он служит в России. Говорит по-русски. Но так, что лучше молчать. Это что? Повальная неспособ-

ность иностранцев выучить русский язык?

Нет, всё-таки с этим надо что-то делать. Почему русские офицеры, вернее, различные немцы на русской службе, могут не знать ни одного слова на языке той державы, которой служат? Ну это же явно непорядок.

Даже представить себе не могу, если русский офицер пойдёт служить, например, куда-нибудь во Францию и не будет знать там языка. Разве его оставят на службе?

Между тем, ситуация с Черноморским флотом не такая уж и плачевная.

– На данный момент удалось собрать сорок две галеры. Они укомплектованы, гребцы есть, недостаёт только абордажных команд. Также в Черноморском флоте на данный момент два линейных корабля. С Каспийской флотилии были переброшены матросы и ряд офицеров, которые сейчас осваивают службу на новом месте. Полностью исправны и частично укомплектованы ещё три фрегата, два брига, три шнявы— доложил Бредадь.

Я ждал, когда он уточнит, кто же ему помог укомплектовать команды нашими матросами, кто нашёл деньги, кто оплатил ремонт кораблей – пусть срочный, быстрый, но всё же стоящий немалого количества серебра.

Нет, молчал. Конечно же, всё это делалось с моей подачи, так как распоряжался вице-адмирал теми финансами, которые были подведомственны мне. Но все же Артемий Петрович Волынский – этот человек включился в проблему и стал

ее решать.

Это он додумался сделать такие условия для найма матросов, что даже крымские торговцы откликнулись на зов и направили своих моряков. Волынский соблазнил экономическими и налоговыми послаблениями тех купцов, которые будут, так сказать, проявлять себя патриотами новой родины. Ну а что может быть более патриотичным, чем служить в вооружённых силах или во флоте страны?

В целом хорошо Артемий Петрович развернулся. Действительно грамотный исполнитель. Да и не только исполняет. Очень здравые инициативы исходят от Волынского. Пускай пока поработает в Крыму, потом мы посмотрим: может быть, такое деятельное управление понадобится и в правительстве.

Если два главных порока Артемия Петровича будут изведены или забыты, то, конечно же, я этого человека буду продвигать дальше по карьерной лестнице. А пороки такие: воровство и жажда власти. Может, достаточно суровое пребывание в Петропавловской крепости немного вразумило, заставило Волынского пересмотреть жизненные приоритеты.

– Сколько из галер шестнадцативёсельные? – спросил я на немецком языке, который оказался для нас обоим знакомым.

– Восемнадцать, – быстро ответил мне Бредадь.

Ну, хотя бы хорошо изучил матчасть, раз знает, какие именно корабли в его распоряжении. Может быть, я несколько предвзято отношусь к Петру Петровичу. Если посмотреть

со стороны на то, что я предлагаю делать, то опытный, а самое главное – осторожный, морской офицер, будет против такого риска.

– Восемнадцать шестнадцативесельных галер мне мало. Я предполагаю отправить под Измаил речным путём сразу семь тысяч солдат и офицеров, да ещё и артиллерийские орудия. Только для орудий мне понадобятся две галеры, – вслух размышлял я.

В целом же шестнадцативёсельные галеры вмещали в себя максимально до ста пятидесяти солдат. Допустим, даже если бы сами солдаты гребли, хотя этого позволять никак нельзя, то всё равно мало.

– Пройдут ли по Дунаю тридцатидвухвёсельные галеры? – спросил я, и на этот вопрос ответа не было.

Я же общался со знакомым мне греком, которого и хотел взять лоцманом, чтобы он указывал передовой галере, как правильно идти по Дунаю. В своём устье река, конечно, широкая. Измаил здесь находится достаточно недалеко от устья, и если идти на вёслах и быстро, то переход может составить не больше дня.

Дело в том, что если шестнадцативёсельные галеры имели осадку чуть больше метра, то уже тридцатидвухвёсельные – чуть больше двух метров. И быть полностью уверенным в том, что по всему Дунаю будет такая глубина, я бы не стал.

Алексис Дамионис, грек, торговый партнер моего деда, а сейчас и мой, говорил о том, что за примерно пятнадцать

вёрст до Измаила и недалеко от него можно сказать, что были броды, ну или многие мели. И хуже всего, если мы пойдём на Измаил и посадим корабли на брюхо. Получится, что ни туда ни сюда. Придётся оставаться на месте или вызывать кого-то, чтобы нас забрал. Но кого? Только что самих турок! Позору не оберёмся.

– Хорошо. Пойдут два брига, две шнявы, все шестнадцативёсельные галеры, пять двенадцативёсельных, – всё-таки я принял решение.

План мне нравился практически во всём, кроме того момента, что нам рискованно идти рекой на крупных кораблях. Осадка самого тяжелого нашего корабля, который войдет в Дунай – два метра.

– Не зря сами турки редко входят большими галерами в Дунай. Там пройти можно везде, но знать нужно десять, может больше поворотов, – сказал Алексис Дамионис.

Вот почему он знает русский язык? Уже выучил?

– Господин Дефремери, вам следует плотно поговорить с господином Дамионисом. Мы поведем бриги и шнявы. Прочертите карту и все запомните, вдруг отстанете от колонны. Все же у вас парус, а галеры будут идти быстро, – сказал я.

Француз Дефремери только кивнул головой. Не зазнается, но и не тушуетя в моем присутствии. А ведь я могу вспомнить некоторые особенности нашего с ним общения. Были неллицеприятные моменты. Но... кто старое помянет, тому и глаз вон? Не всегда такое правило действует, но чаще все

же, да.

— У самого Измаила должно находиться не менее чем пять галер, — сообщал вводные уже я. — В устье раз в три дня входят по три галеры. Потом они выгружаются, уходят в Варну. Мы пойдем в то время, как они уже разгрузятся и должны будут уйти. Пойдем по турецким флагам.

— Турки могут затопить свои галеры, перекрыть нам фарватер, — сказал Бредадь.

— Могут, но не успеют это сделать, — возразил я.

Потом встал со своего стула. Поднялись и все офицеры. Алексис замешкался, но повторил движения остальных.

— Всем ли понятны их задачи? — спросил я в конце Военного Совета.

Молчание было мне ответом. Но я знал, по крайней мере, армейские: если им что-то непонятно, то обязательно спросят. Операция была проработана мною вплоть до каждого десяти минут, а острая её фаза — так и вовсе поминутно. Это опасно, это сложно — добиться такого взаимодействия подразделений. Вот только в этом и есть наше преимущество.

Следующие четыре дня, которые понадобились, чтобы завершить все необходимые приготовления, удалось шесть раз провести учения, хотя и раньше мои солдаты не переставали впитывать специфику десантных операций и штурмовых действий. Ну а после...

Мы учились выпрыгивать из галер, взбираться мокрыми в гору. Еще и еще отрабатывали взаимодействие троек. Это

когда два стрелка отрабатывают издали, а один боец страхует и охраняет. Я привез из Петербурга сто револьверов, так что десант оснащен, как никто в мире.

Отрабатывали и штурмовики. Они работали десятками и там все было сложнее. Но неизменно был стрелок, два бойца с револьверами. Отдельно работали “глазники”. Уж не знаю, почему и кто так обозвал стрелков, которые работают с оптическими прицелами, но... глазники. И задачи у них будут, конечно же связанные с поддержкой штурмовых действий.

А после наступило время отправляться.

– Вице-адмирал, вы мне так окончательно не ответили, получится ли у вас сделать то, что необходимо, – настаивал я на ответе Бредаля.

Не люблю таких людей, которые не могут сказать окончательно «да» или «нет». Мы готовимся, мы делаем всё возможное и необходимое для того, чтобы совершить дерзкий рейд в глубокий тыл противника. Нам необходимо отвлечь флот врага, так как он может обнулить и наши намерения, и нас самих.

– Я не могу рисковать всей эскадрой только лишь ради одной вылазки, – сказал вице-адмирал.

– А об этом вы могли предупредить меня заранее. Вы молчали всё время, пока шла подготовка к операции. И сейчас вы мне сообщаете, что не можете выполнить ту часть плана, которая всецело зависит от вас? – я действительно опешил.

Вот, видимо, не зря в иной реальности этот морской офи-

цер находился под судом и даже чуть было не лишился головы. И ведь я не скажу, что абсолютно во всём норвежец не прав. Он просто нерешительный. Нет, явно же не трус. Это так печется за корабли. Его же без года, как неделю назад назначили командующем флотом. Только-только появились корабли, и не важно, что в основе трофейные. А тут всем этим рисковать.

А ещё Бредаль – это офицер, который служит скорее не для славы и не ради тех, кому он присягал. Этот человек не служит, он отбывает службу. Как нерадивый работник будет высчитывать каждую минуту до окончания рабочей смены, лишь только делая вид кипучей деятельности. Вот так, как мне кажется и ведёт себя и вице-адмирал Бредаль.

– Если вы, сударь, не выполните мой приказ, то заявляю вам со всей ответственностью, как глава Тайной канцелярии и генерал-аншеф Российской империи, что непременно пойдёте под суд, – пришло время и более жёсткого тона общения.

Борьба взглядов. Но... Петру Петровичу Бредалю далеко до взгляда, например, Андрея Ивановича. Какого из них? Остермана или Ушакова? Так обоих. И уже скоро вице-адмирал понял бесперспективность “игры в гляделки”.

– Я исполню то, что вы просите.

– Вы исполните то, что я вам приказываю! – поправил я Бредаля.

Вот бывает же такие выверты судьбы, когда тот, кого ты

считал предателем и трусом, постепенно, но кажется человеком чести и решительным. А вот тот, о ком слышал вроде бы и положительные отзывы, проявляет себя излишне осторожным, как бы не на грани трусости.

А ведь задачей Бредаля было всего-то убежать от турецкого флота. И для этого использовался наиболее быстроходный линейный корабль, а также два юрких и быстрых фрегата. Нужно было просто отвлечь все турецкие корабли, которые курсируют в устье Дуная.

Согласно сообщениям разведки, их там может и не быть. Ну если будет? То вся операция насмарку. Нужно турок вынудить погнаться за русскими кораблями. И они это сделают. По всем сообщениям разведки, да от тех же торговцев, османы крайне не довольны поражениями на земле. Еще бы! Но только и ждут, чтобы наказать нас на море.

Но еще у нас есть основания полагать, что турецкий флот переправляется в Средиземное море и осваивает дополнительные военно-морские базы на Эгейских островах. Значит, турки уже осведомлены о том, что русский флот в большом количестве собирается в Балтийском море, чтобы в скором времени отправиться в Средиземное.

Грандиозная операция дезинформации противника. При том, что каких-то особых усилий, чтобы распространить сообщение о намерениях Российской империи, предпринято не было. Единственное, что – написали несколько статей в газетах, Министерству иностранных дел было поручено про-

вести консультации с французским послом герцогом де Дюрасом на предмет того, чтобы Франция позволила русским кораблям останавливаться в некоторых своих портах для починки и оснащения.

Еще со шведами перемирие на море заключили на полгода. Те готовы хоть своих жен отдать, лишь бы закрыть свой этот... Как это молодежь называла в будущем... Во – закрыть кейс войны.

Ну и всё. Даже испанцев и португальцев пока не дёргали по этому поводу. Судя по всему, уже начали действовать и готовиться встречать русский объединённый морской кулак во всеоружии.

И пусть готовятся турки. Не поможет. И более того, ведь Балтийский флот действительно должен будет выйти в океан и даже направляться в сторону Средиземного моря. Более того, есть большая вероятность, что он придёт-таки в Эгейское море. Но случится это только лишь в том случае, если переход будет не сильно сложным и мы не станем по мере движения терять свои корабли.

Я думал обо всем этом, когда, днём, под палящим, обжигающим солнцем, русская Черноморская эскадра – а я бы предпочёл всё-таки называть это соединение полноценным флотом – вышла из Хаджибея и направилась в сторону устья Дуная.

По сути, это был первый поход Черноморского флота не каботажным способом, а через открытое море. Когда-то же

нужно учиться. Правда, лучше в мирное время. Но сейчас выбора нет.

Мне только предстоит выйти. А пока отбывал Бредадь. Четыре парусника отправлялись дразнить турок и вытягивать их на себя. И я со спокойным сердцем стоял у причала и провожал глазами уходящие русские паруса.

Ведь до этого я пообщался с другими морскими офицерами и уточнил, мало ли, может, я чего-то не понимаю, настолько ли опасное задание выпало на долю вице-адмирала Бредаля.

Но нет, все, как в один голос, говорили, что это вполне себе даже несложно. Во-первых, фрегаты, да и линейный корабль могли развивать приличную скорость – относительно парусных судов, конечно. Вряд ли это больше двенадцать узлов. Но тем не менее, противник пароходов не имеет, да и быстроходных катеров тоже. В равных условиях находимся по этому показателю.

Кроме того, русская эскадра будет находиться в более выгодном положении исходя из того, что может выбирать направление даже не для атаки, а чтобы показаться противнику, как именно уходить, знать вовремя порядок смены конфигурации парусов. То есть преимущество налицо. И убрать от удара не будет представляться никакой проблемы, если только действовать слаженно и вовремя подавать необходимые приказы.

А вечером, когда в Хаджибее начался комендантский час,

и ни одна любопытная голова не могла показаться вне дома, и даже предписывалось закрывать ставни на окнах, если таковые были, порт крепости был очищен от любых посторонних. Зачем видеть, как отбивают галеры, ну и сколько их, как грузятся солдаты? Думаю, что в городе найдутся лазутчики вражеские. Всех не выведешь

Я поднялся по трапу на передовую галеру, молча, лишь только кивком головы поприветствовал капитана корабля и одновременно лоцмана, Алексиса Дамиониса, поднял руку.

Это, конечно, пафосно – когда вот так, подняв руку, я решительно направляю её в сторону открытого моря, но в этом времени крайне много поступков и действий совершают люди, которые в будущем могли бы показаться излишне театральными.

Так что я не ощущал никакого дискомфорта, когда резко направил руку вперёд, указывая путь, словно бы один известный многим революционер указывал в каждом советском городе направление для счастливой жизни.

Весла ударились о морскую гладь, первая галера отчаливала. Следом шёл парусные бриги, а скорее уже даже и фрегаты, так как удалось поставить на каждый из кораблей дополнительные сразу двадцать пушек. И всё это новейшие коронады.

Я вспомнил о таких пушках ровно в тот момент, когда вообще стал задумываться над модернизацией артиллерии. И ведь ничего особо сложного в этих караках не было. Напро-

тив, они не были слишком тяжёлыми, скорее лёгкими, по сути – картечницы.

А учитывая то, что эти коронады были сделаны сразу же с конической каморой, чего, насколько я знаю историю, но, конечно же, могу ошибаться, но, скорее всего, не было в иной реальности. Так вот, учитывая это, получилось добиться разлёта картечи с увеличенной дальностью до двадцати процентов и уменьшилась рассеянность. Это очень существенно. Правда, не для реки, где пространства для маневра узкое.

Так что, с одной стороны, удалось не сильно перегрузить брига, чтобы он не дал осадку больше чем полтора метра, с другой же стороны – оснастить его достаточным количеством оружия, чтобы иметь возможность выиграть любой бой с любым кораблём на протяжении от устья до Измаила.

Пройти расстояние от Хаджибея до устья Дуная за одну ночь, конечно, не получилось. И пришлось всё же подходить к берегу южнее Аккермана и стоять там, отправляя бриг в разведку.

Пока всё складывалось в нашу пользу. Но как оно будет дальше...

Глава 3

*Кто я? Дед Мазай, или Герасим?
Александр Лукич Норов*

Дунай, Бессарабия

22 мая 1736 года

На второй день мы всё-таки вошли в устье Дуная. И оказалось, что, пусть и немного, но мы ошиблись в расчётах. Да, это хорошо, что мы не встретили ни одного турецкого корабля при входе в устье, если они здесь и были, то вице-адмирал Петр Петрович Бредаль с парусной эскадрой смог оттянуть на себя турецких сторожевиков. Но мы вошли в устье уже за полночь.

А это означало, что добраться до Измаила к рассвету никак не получится. Следовательно, нужно предполагать, что мы будем обнаружены турками и крепость, скорее всего, успеет подготовиться к нашему появлению. Впрочем, шли мы под турецкими флагами, передовые галеры отличить от османских было сложно. Большая часть воинов были на первых двух галерах были облачены в мундиры турок.

Рязанские лица многих солдат, конечно, сильно демаскировали. Но это нужно было присматриваться, тогда как ярко-красные турецкие мундиры отвлекали любой взор на себя.

Ну а заметят и распознают? Так ещё неясно, кто быстрее может добраться до Измаила: всадник, который увидит идущие быстрым ходом корабли, или, собственно, сами корабли.

Весла мерно ударялись о речную гладь. Офицерам не было нужды подгонять гребцов. Это явное преимущество, перед турецкими галерами, на которых использовался рабский труд. Когда воины мотивированы, когда они сильны, не страдают от недостатка пищи, конечно же, и гребут споро. А еще три косых паруса помогали, вносили свою невеликую лепту в ускорение движения. Словно бы Господь Бог нам помогал. Ветер почти всегда, кроме того, как сильно виляла река, был попутный.

Так что двигались очень быстро.

Конечно, нужно было иметь куда как более серьёзный настрой, но я наслаждался видами. Интерес и любознательность сейчас побеждали волнение перед дракой и в целом тревожность. И не только я один такой.

Солдаты и офицеры, словно те дети, смотрели на пеликанов, которых в устье Дуная было просто привеликое множество. Молча, не выкрикивали, так как был режим тишины и его могли нарушать только входящие в воду вёсла, но активно жестикулировали и показывали руками на экзотических птиц.

В прошлой жизни я был и в Измаиле, и в целом в этом регионе. Посещал крепость Белгород-Днестровскую, нынче

это Аккерман, был в Вилково, как её называли местные – «бессарабская Венеция». И в целом казались люди, проживающие здесь, вполне дружелюбными и гостеприимными.

Удивительная этническая солянка была в Измаиле и в других населённых пунктах Бессарабии. Русских здесь было, может быть, даже и меньше всего, но вот болгар, гагаузов, румын, молдаван... Евреев и караимов – всех хватало. И удавалось сохранить при таком этническом разнообразии мир. Правда, оказалось, что... Но не хочется вспоминать эту боль.

– Сколь далеко осталось? – спросил я у Алексиса Дамиониса.

Исчезла предрассветная дымка, солнце полноценно вступало в свои права. Яркость солнечных лучей, как и их теплота, намекали, что сегодня нам будет не просто тепло, но и жарко. А весьма вероятно, что жарко будет в том числе и в переносном смысле, когда мы доберёмся до Измаила. Я же с удовольствием переживал бы полуденную жару в тенике в самой крепости. В русской крепости Измаил.

– По такому ходу нам осталось три с половиной часа, – проанализировав какие-то только ему понятные записи, сказал наш греческий капитан.

Я уже намеревался вывесить нужную конфигурацию флагов, чтобы изготавливались к острой фазе операции, как один из офицеров, призванный неусыпно следить за берегом и рекой, громко сказал:

– Впереди две вражеские галеры. Они показались в излучине реки, нынче скрылись, но движутся в нашу сторону.

Не было печали!

– Что неприятель мог успеть увидеть? – тут же подобрался я и спросил.

– Не более двух наших кораблей. Передовую галеру и парусный бриг, – практически не думая, ответил офицер.

Я посмотрел на Алексиса, он размышлял чуть больше, потом кивнул головой, соглашаясь с выводами моего адъютанта.

– Передайте на бриг, чтобы картечницы были заряжены, но их преждевременно не выкатывали вперёд. Всем готовиться к абордажному бою! – И как же не вовремя, учитывая то, что мы уже почти прибыли к месту. По-любому в крепости услышат звуки боя, насторожатся, закроют крепость.

– Господин командующий, дозволено ли мне будет высказать своё мнение? – спросил мой адъютант.

– Если оно только существенное и может повлиять на ситуацию в нашу пользу, – сказал я.

– Предлагаю пропустить мимо, разойтись бортами с турками. Но сперва высадите меня с отрядом на берег. Дайте первый батальон Гатчинской пехоты и сотню стрелков. Я возьму ворота Измаила и буду держать до подхода флота, – заявлял мне мой адъютант.

Я подумал. С одной стороны, мне не особо нравилось такое рвение офицера, который должен быть постоянно при

мне. Словно бы мальчишество какое-то. С другой же стороны, не хотелось бы, чтобы одному из ближайших ко мне офицеров было некомфортно рядом со мной служить. Хочет отличиться? Пожалуйста. Тем более, что я знаю: для этого у него хватает и навыков, и ума, и решительности.

И уж точно не в этом главная причина того, что я решил-ся, и уже скоро, через пятнадцать минут, началась высадка отряда на берег. Просто он прав. Гатчинцы лучше всего подготовлены, в том числе и физически. Они даже по полной выкладке могут преодолеть те десять-двенадцать вёрст, которые остаются до Измаила. Причём сделать это бегом.

– Что видно? – спросил я у одного молодого подпоручика, который залез на рею и высматривал оттуда приближающиеся турецкие галеры.

– Полчаса! – определил время до нашей встречи с противником.

– Давай, Алексис, на нос корабля за место меня, – сказал я, обращаясь к греку.

Конечно, более всего на турка похож именно он, ну и большая часть всех гребцов, которые сейчас готовятся к максимально быстрому рывку вперёд. Я тоже, как бы не светловолосый русич. Но мне нужно не лицом торговать, а быть среди бойцов.

– Ты готов? – спросил я Кашина.

– Так точно! – залихватски отвечал он.

– Отвернись только, а то ты своим бледным ликом сму-

тишь турку, – сказал я.

Нет, турки не должны до поры до времени вообще понять, что это русские корабли идут к Измаилу. Так что многих солдат пришлось прятать под тентами, выставляя на обозрение противнику тех немногих, которые могли бы внешне быть похожими на османов.

С брига, который шёл следом за нами и также под турецким флагом, показывали, что они готовы к столкновению и коронады заряжены по оба борта.

Что ж... В морском бою я участвовал, на земле дрался уже много раз. А вот на реке ещё не пришлось. Пора закрыть и этот гештальт. А лучше, конечно, чтобы дрались следующие за мной галеры, а мы всё-таки устремились к Измаилу. Иначе подвиг четырех сотен русских солдат под командованием моего адъютанта будет зря совершён.

– Вижу турецкие галеры! – прокричал вперёдсмотрящий, да и все увидели, как из-за очередного поворота реки, в близости, ближе чем в полверсты, vyplывают турецкие корабли.

Турки могли даже услышать слова русского вперёдсмотрящего. Впрочем, не так этот уже и важно. Было видно почти сразу, что турецкие галеры расходиться бортами не желали. Алексис принял чуть ближе к левому берегу, показывая тем самым, что готов пропустить турку. Но и они взяли правее, ходя река в этом месте была весьма широка и пять галер разошлись бы без особого труда.

– Может кто важный на корабле стоит? – высказал версию

Алексис.

Весьма вероятно. И этот важный решил показать себя. Как же мимо проплыть такого количества союзных галер и парусников? Каждый важный чиновник непременно должен проявить любопытство и прознать, что же тут происходит и почему вне графика судоходства по реке отправлен большой груз в Измаил.

Ранее, чем предполагалось, операция входила в острую фазу. Но это не означает, что мы уже проиграли, это означает, что русская партия в этой игре может оказаться чуть более затянутой. Ну и трудозатратной.

– Приготовиться всем, проверить заряды, распределить цели и не стрелять в одного турка многим! Спрятавшимся воинам по свистку принять боевое положение! – приказывал я, и казалось, что отнюдь не голубые воды Дуная, а тёмно-серые отражали мои слова, и они разносились по всей реке.

Есть у меня такое чёткое убеждение, что русская речь на этой реке теперь станет постоянным явлением.

– Алексис, определишь ту точку, когда турки уже не смогут совершить никакого манёвра и будут вынуждены дальше идти тем же курсом! – обратился я к греческому капитану.

– Сделаю! – с предельно серьёзным видом отвечал грек. А его потрясывает. Бойтся. И молодец, так как страх не мешает выполнять боевую задачу.

Время словно замедлялось, становилось тягучим. Я смотрел в сторону приближающихся турецких галер, примерно

прикидывая, какое расстояние уже смогли преодолеть стрелки и пехотинцы, которые по земле устремились к Измаилу.

Прошло полчаса. Это значит, что максимум, на что я могу рассчитывать, – отряд на полпути до крепости.

Контрабандисты-армяне не так давно посещали Измаил, а потом умудрившиеся прибыть в Хаджибей для других торговых операций стали для нас одним из источников информации. Я даже по их словам больше зарисовывал контуры крепости, на карте определяя направления ударов. Времени на рекогносцировку у нас не будет. Или действуем молниеносно и при этом имеем шансы взять Измаил. Или же и не стоило все это начинать.

Я даже контрабанду поощряю – оказаться без торговли для Крыма будет очень сложно. Тем более, что контрабандисты – уникальный источник информации. Я теперь немало знаю и об настроениях в Османской империи, и о том, как выглядят пляжи Стамбула и его порты. Пригодится... Надеюсь...

Измаил же – это перевалочный пункт... Поэтому не столько в самой крепости, сколько за её пределами – немалое количество шатров. Подразделения стоят рядом с Измаилом, но не внутри него.

Само собой разумеется, что гарнизон Измаила, как только услышит выстрелы, начнёт суетиться на реке. И при этом вряд ли будут закрывать ворота: в такой небольшой крепости, где должно быть собрано немалое количество солдат и

обозников, просто негде размещать людей. И на это тоже наш расчет.

Конечно, сведения более чем двухнедельной давности, и весьма возможно, что-то изменилось. Но приходится оперировать именно этой информацией.

– Всё, командир, – подражая моим бойцам и называя меня командиром, обратился Домионис. – Больше они свернуть никуда не смогут. Иначе рискуют взять такой крен, что и завалиться на бок.

Я взглянул на ближайшую к нам турецкую галеру. Не увидел, чтобы там суетились или готовились к абордажному бою. Несколько турецких офицеров, а также десяток солдат смотрели в нашу сторону – скорее с любопытством, или даже с ленцой, чем с тревогой. Мол, сейчас наш господин будет вот этих нагибать. А мы слушаем.

Посмотрел я и назад: сразу за нами шёл бриг. Я опасался, что турки почуют неладное скорее из-за этого парусника, чем из-за галеры, на которой я нахожусь. Но, видимо, трофей, взятый нами в Кочубее, – вполне распространённое парусное судно в турецком флоте.

– Свисток! Стрелкам – пали! – прокричал я приказ.

Тут же чехлы, под которыми прятались бойцы, отвернулись в сторону. Воины поднимались и сразу же проверяли своё оружие – может, пуля выпала, пока они лежали и корабль слегка укачивало. Между тем стрелки уже изготовились и выцеливали свои жертвы.

– Бах-бах-бах! – зазвучали выстрелы.

– Твою Богу душу мать! – выругался Кашин.

Он так тщательно целился в оптический прицел своей винтовки, и в итоге, одновременно с тем как выжимал спусковой крючок, прогремели рядом выстрелы – рука Ивана дрогнула. Пуля ушла в небо.

Мой соратник, почти что Санчо Панса при Дон Кихоте, стал быстро перезаряжать свою винтовку.

Между тем корабли сближались. Я не давал команды, чтобы наши гребцы ускорились. Зачем? Вполне достаточно: они до нас пока ещё достать не могут, а мы их расстреливаем. Абордаж – это слишком непредсказуемое мероприятие. Да и обязательно с жертвами с нашей стороны. А мне такого не нужно. Кроме того, ведь есть бриг, который и нужен для того, чтобы одним залпом уничтожить вражескую галеру.

– Алексис, ещё левее можем дать, не сев на мель? – спросил я.

– Сто пятьдесят шагов! Больше нет, попадем в ловушку и останемся без маневра! – выкрикнул капитан, находящийся не так уж далеко от меня – буквально в пяти метрах.

Но стрельба продолжалась, наша галера погружалась в облако из сгоревшего пороха. В ушах звенело. Как бы не легкая форма контузии случилась. Но я услышал Дамиониса и принял решение.

– Делай! – скомандовал я.

Первая турецкая галера точно пройдет по левому борту

брига – а значит, попадёт под уничтожающий удар коронад. Это дьявольское оружие сметёт с палубы каждого.

Конечно, в этом случае будет жалко рабов, но, может, кто-то из них и выживет: пушки всё-таки будут наставлены на палубу, а гребцы находятся под ней. Вот только если стальные картечины ударят, то могут насквозь прошить такую галеру, как у турок.

Мы продолжали стрелять. Стрелки прежде всего вышибали турецких офицеров или тех солдат, кто изловчился и уже наставил в нашу сторону свой французский карабин или массивное турецкое ружьё. И таких было немного.

Турки считали, что они у себя дома, что не обязательно держать оружие заряженным. Теперь это стоило им времени: перезарядка одного французского карабина занимает примерно полминуты – если только солдат не настолько отлично обучен, что справляется чуть быстрее. А время в бою – это часто и жизнь, ее потеря, или сохранение.

И вот за эти полминуты мои бойцы могут сделать полтора выстрела. И это из штуцера, у которого рассеивание пули почти отсутствует, а пробивная способность куда выше, чем у простого гладкоствольного ружья.

– Фальконеты готовы! Гребцам ускориться! – кричал я и мои приказы дублировались, чтобы быть услышанными.

Алексис дал несколько левее и мы проходили турок. А они не успели отреагировать на наш маневр. Или там уже некому реагировать?

Фальконеты, маленькие пушки, которые переносятся солдатами, были срочно закреплены на специальных креплениях на бортах. Их было пятнадцать. Они не решают вопрос. Метров сто двадцать нас разделяло, много. Но поугаают, точно. И картечь долетит, меньше, чем от коронад, но все же.

Ещё минута – и коронады скажут своё последнее слово. Вода покраснеет. Если сейчас Дунай сероватый, то с оттенком крови вода будет иметь устрашающий цвет..

Внезапно на турецкой галере взметнулся сигнальный флаг. Сдаются? Может поняли, что, в какую ловушку попали? Ведь из излучины реки должны одна за другой выходить наши галеры и парусники.

Первый турецкий корабль точно обречен. На его палубе началась суета – запоздалые попытки развернуть судно, перестроить ряды, найти укрытия. Но время было упущено: мы держали дистанцию, позволявшую вести прицельный огонь, а их манёвры лишь подставляли борт под наши штуцера. По первой галере стрелки уже не стреляли. Тут готовились дать залп фальконеты.

– Бах-ба-бах! – прозвучал залп пятнадцати картечниц.

Галеру шатнуло и она накренилась налево. Но тут же встала в нормальное положение. Многие солдаты упали.

Пороховой дым стлался над водой, смешиваясь с криками раненых на турецкой галере. Вторая галера стала притормаживать. Гребцам приказали опустить в воду весла, но не грести. Судно чуть было не перевернулось, накренилось носом

и чуть влево.

– А что? Так можно было? – удивился я способу торможения турецкой галеры.

Я думал, что они будут грести назад. Но, нет. Видимо здраво рассудили, что не убегут.

Мы проходили борт в борт, нас разделало метров сто. Но мы не стреляли. Турки всем видом показывали, что сдаются. И мало ли, но пригодятся такие вот пленники в будущем.

– Ба-ба-бах! – раздались выстрелы коронад брига.

Я посмотрел назад. Первая галера была уничтожена. Вот вообще... Она быстро набирала воду. И я сомневался, что на ней есть кто-то живой. Бороться за живучесть корабля некому.

Я все же монстр. Я создал ужасное оружие на почти полвека раньше. Коронады – это... ужас морского боя. Их нужно нам больше!

Турки на второй галере после такой демонстрации силы и возможностей в большинстве своем попадали на колени. Лишь только офицеры и...

– Это что? Австрийская форма, или французы? – спросил я у кого-нибудь, или даже у самого себя.

И французские войска в белом и австрийцы. Никакой фантазии. И как различать одних от других. Есть различия и я видел, как на турецкой галере, или на галере под турецким флагом идут австрийцы. А турки с ними на корабле скорее как сопровождение.

Вот это трофей! Но я проплывал мимо. Лишь покуражился, снял свою шляпу-треуголку, помахал, как старому знакомому, австрийскому генералу.

– Передайте дальше, чтобы взяли приз. Пусть бриг берет вторую галеру! – приказал я.

Неожиданно, река крутанулась, и мы увидели Измаил. Неужели так близко шел бой? Значит и у отряда было больше шансов успеть прибежать к крепости, ведь она ближе, чем предполагалось.

Я посмотрел на Алексиса.

– Ошибся. Повороты реки такие похожие. И еще тут раньше не было пеликанов, – оправдывался грек.

– Всем готовность! Вывесить флаги “ускориться” и “дейлай, как я”, – приказывал я.

Мы идем на штурм Измаила!

Глава 4

Скорее Дунай потечет вспять и небо упадет на землю, чем сдаться Измаил.

Комендант Измаила Айдозли Мехмет-паша. 1790 год за день до падения крепости.

Измаил

22 мая 1736 года

Я больше не подгонял гребцов на галере, так как прекрасно видел и по скорости ощущал, что они выжимают из себя всё, что могут, и наверняка чуточку больше. В сравнении с тем, как мы передвигались до этого, сейчас мы летели.

Больше на реке выстрелов не раздавалось, вторая турецкая галера сдавалась. И такой приз уничтожать нельзя. Нам нужны корабли, пусть бы и галеры, если пока нет достойного парусного флота. Однако, флот будет. Только я лично за деньги Фонда заказал триста корабельных пушек разных модификаций, в том числе и коронады. Заказ уже как два месяца готовится на демидовских заводах. Ну и придется, так из сырого дерева построим первые русские парусники на Черном море. Хотя в Воронеже и Брянске есть сухое дерево. Доставить только нужно.

А то, что происходило с оставшейся турецкой галерой, можно будет когда-нибудь потом преподать в юмористическом тоне. Анекдот. Но я надеялся на то, что найдётся ко-

мандир из следующих за головной галеры или из других отрядов, который примет призыв в виде турецкой галеры. Если нет, то турки просто пройдут мимо всех наших кораблей и отправятся восвояси, вначале находясь в шоковом состоянии, а после поймав гомерический смех.

Да, сообщение, что нужно принять призыв, было передано, но кто и насколько его смог увидеть и принять решение – это вопрос. Ведь звучало всё «примите призыв». И кому его следовало принять, я не уточнил. Но меня слишком увлекали и волновали разворачивающиеся события. И турецкие галеры – это как назойливая муха, летающая за карточным столом. Отвлекала от игры, ставкой которой была жизнь, честь, слава российского оружия. Большая ставка.

– Бах-бах! – издали слышались приглушённые звуки выстрелов.

Сражение за Измаил началось. Бой начал посланный вперёд отряд. Галера наша дёрнулась, подалась вперёд. И если я считал, что гребцы выкладываются уже даже больше своих сил, то сейчас уверен, что силы человеческие невозможно запихнуть в какие-то рамки.

– Бам-бам-бам! – удары по барабану, регулирующие ритм работы гребцов, стали ещё громче и чаще.

Наверное, следующий уровень для русских гребцов – следовать ритму барабану, который будет выдавать трели. Или русские гребцы станут настолько сильны в своём ремесле, и смогут с ещё большей частотой грести, уже будет создан

первый пароход?

Что-то я опять ударяюсь в мечты. Впрочем, ведь мы рождены, чтоб сказку сделать былью. Ведь наверняка я появился в этом мире, чтобы невозможное стало реальностью. Будет и пароход. Дайте срок.

Словно бы неожиданно закончились береговые заросли прежде всего из акации, открылось огромное пространство без деревьев и кустов.

– Измаил! – выкрикнул Алексис Дамионис.

По голосу было слышно, что у этого человека появился азарт, кураж. А раньше казался более осторожным.

Причалы крепости Измаил располагались примерно в середине этого открытого пространства под большой горой, из-за террас больше похожей на пирамиду. Так что нам предстояло ещё немного проплыть. Так то оно конечно – высаживаться лучше всего на причале. Тем более, что места там более чем предостаточно. И если уж не получится взять крепость, а всякое может быть, то даже чисто практическая выгода от разгрузки трёх турецких галер будет для нас утешительным призом. Может, хоть в финансовом отношении операция оправдается. Хотя при таких успехах – это вряд ли.

– Рота, готовься! По плутонгам. Первый, третий, пятый, седьмой, девятый плутонги – по первому трапу, остальные – по второму! – командовал бойцами Кашин. – Глазникам работать с галеры!

Я не вмешивался, хотя, на мой взгляд, решение, чтобы

снайперы остались на галере, спорное. Впрочем, те немногочисленные постройки, которые были в маленьком порту Измаила на одной из террас большого холма, может, сперва стоило взять под плотный контроль, а уже потом именно там и разместить солдат с винтовками с оптическим прицелом, которых в это время прозвали “глазниками”.

Словно бы те тараканы, когда на кухне в запущенном и грязном доме включили свет, турки разбегались от порта. Я заметил, что бегут они не в сторону крепости. А ведь могли бежать к западным воротам. Там, судя по звукам, было столпотворение, но не бой. Турки или представители других народов, которые прислуживали им в порту, убегали просто на запад, в сторону зарослей, которые находились не ближе чем в двух вёрстах.

– Бах-бах-бах! – в усиливающейся «мелодии» сражения я различил разрывы гранат.

Это все еще идет бой у восточных ворот крепости. Учитывая то, что гранатомётчики могли отрабатывать только лишь с расстояния меньше чем сто метров, можно было сделать вывод, что сражение идёт у самих ворот.

Два брига, которые следовали за передовой галерой, дали немного левее, стали спускать паруса, намереваясь встать на якорь. А вот следующие другие галеры стремились к порту, чтобы присоединиться к сражению.

– Бам! – послышался звук ударяющегося одного корабля о другой.

А потом и раздался треск, на короткое время этот звук заглушил остальные.

– Расстреляю! – в сердцах бросил я, когда увидел, что галеры столкнулись.

Видимых повреждений вроде бы и не было – так, “поцеловались” бортами, но вёсла поломали, и теперь будет сложно вырулить, чтобы быстро пристать к берегу.

А вот следующая галера смогла вовремя сориентироваться и впритык, но всё же обошла это «речное транспортное происшествие».

Я постарался успокоиться и сконцентрироваться на бое. Что-то похожее можно было предполагать. Ведь мало того, что мы шли по реке с почти неизвестным для нас фарватером, так ещё и команды были неопытные. А частью галер и вовсе командовали безусые мичманы.

Сказывалось, что морских офицеров не хватало. Но даже в плохом нужно видеть хорошее. Я подумал, что прямо сейчас они приобретают бесценный опыт, который обязательно понадобится в дальнейшем. А если Черноморский флот не набьёт себе синяков, то вряд ли станет в ближайшем будущем грозной силой, способной переломить турецкое превосходство на Чёрном море.

Бойцы Кашина быстро взбирались по холму. Тут был небольшой ров, через который перекинуто множество съёмных мостов, представлявших собой по сути сбитые из досок настилы. Часть из них турки успели снять, бросив рядом. Но

три вполне себе прочных на вид моста оставались нетронутыми. Именно по ним и пробежали передовые плутонги роты Кашина.

И нет, мой друг и один из опытнейших офицеров в Российской армии, Иван Кашин, не устремился к воротам, чтобы помочь отдельному отряду удерживать вход в крепость. Именно этого враг и ждёт. Он делает то, чего враг никак не ожидает.

На относительно невысоких стенах со стороны реки даже в бинокль, который я сейчас приложил к глазам, не было видно больше, чем полусотни защитников. Рота Кашина бежала без лестниц, и турки здраво рассудили, что уж такими силами, да ещё и без возможности залезть на стену, эти русские бойцы устремятся к воротам крепости.

Вот только у бойцов Кашина были «кошки». Стальные крюки взмылись вверх. Из первых пяти «кошек» удалось удачно зацепить только две, и тут же по ним стали взбираться бойцы.

Снизу их прикрывали другие воины, контролируя стену и не давая возможности высунуться хоть какому турку без того, чтобы любопытная голова османа не получила «подарок» в виде русской пули.

Кашинцы, как заправские спортсмены, русские воины, несмотря на то, что за плечами у них были слегка укороченные ружья, взбирались наверх. Такое упражнение было обязательно в базовых упражнениях бойцов. Они каждое утро

лазили по канатам.

– Глазники! – обратился я к снайперам. – Смещайтесь вперёд и занимайте позиции в пристройках.

Лишь только один выстрел прозвучал от снайперов, и они, преисполненные желанием хоть как-то помочь наступающим побратимам, лишь только водили стволами своих винтовок. Всё же было далеко, и если уж поддерживать наступление кашинцев, которые уже не менее чем десятком забрались на стену, то лучше это сделать поближе.

– Бах-бах-бах! – закипела работа на крепостной стене.

Оснащение турецкой армии пистолетами было и без того слабым. Ну а что-либо противопоставить в скорострельности револьверов турки не могли. Я видел в бинокль, что защитники стены, по большей части бежавшие к восточным воротам крепости, рванули на появившуюся для них угрозу в виде русских бойцов, лихо забравшихся на невысокую стену.

Держа ятаганы над головой, турки наивно думали, что сейчас с ними вступят в рукопашный бой. Но револьверные пули явно давали понять всем османам, насколько они ошибаются. Наверное, когда будут оправдывать свои поражения, станут уповать на то, что русские, дескать, боятся рукопашного боя, поэтому они трусливые. Проигравшие всегда ищут оправдания, не желая принимать реалии.

Но русские не трусливые. Если уж придётся, то будут в рукопашной схватке не менее яростными, а может, ещё и бо-

лее, чем их оппоненты, даже турки, которых нельзя обвинить в трусости. Их можно только лишь обвинить в том, что они прозевали новый виток развития военного искусства и всё ещё живут традициями, по большей части превращаясь в ортодоксальное государство.

Я – православный христианин, но прекрасно понимаю, что в некоторых вопросах Церковь всё-таки является тормозом. И если бы Пётр Великий не вступил в конфликт с церковниками и не убрал бы патриархию, то, может быть, и Россия не смогла бы сделать большой шаг вперёд на пути своей модернизации. А вот у турок исламское духовенство очень сильное и влияет на решения султана.

Плацдарм на стене был захвачен быстро и, я бы даже сказал, нахально. Но когда противник не знает о возможностях нашего войска, не знает, что бойцы могут закинуть «кошки» и потом по верёвкам быстро взобраться наверх, то он не ждёт никаких сюрпризов. Ведь я почти уверен, что в Османской армии подобных упражнений не практикуют. А если кто-то и умеет подобным образом взбираться на стену, то это единицы.

Между тем прибывали галеры, и русские бойцы высыпали на берег. Эти уже были и с лестницами. Далеко не все умели вот так, как рота Кашина, действовать. Но часть крепостной стены уже была относительно безопасной. Плацдарм был расширен не менее чем на пятьдесят шагов. И это было бы невозможно сделать, если бы не колоссальное превосходство

моих солдат в средствах огневого подавления любой воли противника к сопротивлению.

– Черти! – усмехнулся я. – Накручу хвост Кашину.

На самом деле, может, я ему и сделаю небольшую выволочку, но потом ещё и расцелую. Говорил я, что фальконеты брать с собой на крепостную стену никак нельзя – тут бы самим бойцам забраться на неё. Кашин кивал головой, но, как видно, сделал всё-таки по-своему.

И сейчас по верёвкам сразу четыре ствола небольших пушек поднимали вверх. Конечно, с ними будет куда как проще расчищать пространство и отвоёвывать такие важные метры крепостной стены.

Уже все кашинцы оказались наверху. Крепостная стена со стороны реки была не только невысокой, но и пространство на ней было крайне мало. Турки здраво рассудили, что если кто-то придёт с реки, мало того что и высадиться нужно, так ещё и взобраться на холм, к лестнице не так удобно подойти. Если бы они успели расчистить вал, то, конечно же, это сильно бы усложнило штурмовые действия. Случилась бы заминка с нашей стороны, в ходе которой участок стены тут же был бы заполнен защитниками.

Но это турецкая беспечность. Их расхлябанность могла бы соревноваться только с подобным же проявлением русского характера. Но если в русской армии с худо-бедно, но уже борются с пагубными явлениями, то турки, как я посмотрю, ничему не учатся.

И в другой реальности их не научили русские победы. На мой взгляд, после русских побед Румянцева, Потемкина, Суворова, вся Османская империя существовала только лишь потому, что европейские державы не давали ей окончательно погибнуть. Ведь тогда именно Россия возвеличивалась бы настолько, что уже не нашлось бы и той европейской страны, даже коалиции стран, чтобы остановить русскую империю.

Я также сошёл по трапу в порт и встречал прибывающие галеры.

– Капитан Белов, – обратился я к командиру отряда, состоящего из двух рот, которые прямо сейчас выгружались с 32-вёсельной галеры, – направляйтесь к воротам и помогите их удерживать.

Офицер козырнул мне в ответ, исполнив новое русское приветствие, которое далеко не так победно встречается в армии. А я до сих пор не могу отойти от той привычки, чтобы отдавать честь всем встречным офицерам, если они, конечно же, выше меня по чину. Получается, что в последнее время я очень редко отдаю честь. Ибо найти офицера, который был бы выше меня чином, становится всё сложнее.

То, что бой у ворот продолжается, сообщала «мелодия войны», которая грохотом исполнялась отдельным отрядом, совершившим марш-бросок. Если бы ворота были закрыты, то отряд, десантировавшийся ранее, должен был отступить. Тем более, что они не могут не знать, что мы уже высаживаемся и даже часть стены за нами.

Сейчас, когда русские бойцы уже на стене и другие с лестницами бегут, чтобы также взобраться наверх, большого смысла в удержании любыми потерями ворот Измаила нет. Следовательно, если там продолжается бой, то ворота открыты, и отряд только лишь ждёт подкрепления, чтобы начать штурмовые действия. Ну ведь так я учил, так действовали на маневрах и повторяли в теории.

– Бабах! – раздался пушечный выстрел, а следом за ним ещё три.

– Ну черти же! – воскликнул я.

Это стреляли те самые фальконеты, которые кашинцы подняли на крепость. Я тут же приложил бинокль к глазам и увидел, что словно бы косою картечь из фальконетов смела турок. Явно каждая картечина с такого близкого расстояния пробивала не одного османа.

Бойцы всё прибывали и прибывали в порт. Уже и места не было. Часть галер отчалили и ушли дальше. Не менее чем полторы тысячи русских воинов вступили в бой. Быстрее, быстрее нужно брать крепость или улепётывать отсюда.

Если в самом Измаиле находится небольшое количество гарнизона. То со стороны западной окраины крепости я увидел не менее чем пехотный полк и полк турецкой кавалерии в виде сипахов. Скорее всего не все рассмотреть. Должно быть до десяти тысяч.

И там уже идёт приготовление к бою. Правда, этот процесс не быстрый, да и наблюдаю я, что неразберихи у турок

более чем хватает. Они же не знают, какими силами мы атакуем. Но ведь найдётся тот офицер, который приведёт всех к порядку, организует наступление вдоль периметра крепости, и тогда нам придётся туго.

А вот если к этому времени большая часть крепости будет уже нами захвачена, то мы даже можем использовать ту немногочисленную крепостную артиллерию, которая почему-то направлена в большей степени на запад, на восток или на север. Но две пушки, которые расположены в направлении реки, так и не выстрелили. Неисправные?

Хотя нет, турецкие артиллеристы начали подготавливать орудия. И они могут бить по причалу и по нашим галерам, ну или даже по своим кораблям, которые я уже считаю призом.

Кстати, галеры никто и не защищал. Все турки бежали в крепость. Причём на кораблях оставались рабы.

Быстро, не прошло и двадцати минут, как всё пространство крепостной стены, направленное в сторону реки, было русским. Опять же, штурмовики были снабжены револьверами, и это давало колоссальное преимущество.

А вот турецким артиллеристам не повезло. Наши глазники, видимо сильно раздосадованные от того, что не принимают дельного участия в сражении, просто не оставляли шанса артиллеристам подойти к орудиям. Как только турок из артиллерийской прислуги показывался в зоне поражения, тут же летела пуля и неизменно, за что следовало бы похвалить стрелков, попадала в цель.

Относительно спокойно, в сопровождении лишь только десяти бойцов, я быстрым шагом направился в сторону Измаильских ворот. С той стороны уже не было слышно звуков активного противостояния. Бой явно сместился на территорию самой крепости.

Так оно и было. Но горько было смотреть на то, что вместе с многочисленными турецкими телами, пусть даже в пропорции один к пяти, но лежали и русские герои. А возле самих массивных крепостных ворот была просто груда турецких тел. И если бы кто-то сейчас, когда бой уже сместился внутрь города, попробовал закрыть крепость, то у него бы это не получилось. Разбирать эти тела нужно будет не менее чем десять минут. Апофеоз войны.

Лихость и задор, которые во мне пытались пробудиться, влекли внутрь Измаила, чтобы принять непосредственное участие в сражении. Но здравый смысл подсказывал, что я не в том положении, чтобы ещё больше собой рисковать. И без того, наверняка во всех столицах Европы будут судачить, что же это за такой новый канцлер Российской империи появился, который так рискует собой. Пусть боятся и норах сидят, чтобы Норов не пришел за ними! Так то!

Я взобрался на надвратную башню, с которой можно было бы обозреть не только крепость, но и округу крепости Измаила и небольшого окольного города рядом.

— Где же ты, Алкалин, со своими бойцами! — сокрушённо говорил я.

Да, сейчас башкирские опытные воины, к которым я уже привык, навели бы такой хаос среди турок, что те запомнили бы это на всю оставшуюся жизнь, на все те минуты, пока башкиры не доберутся до каждого. Матерыми степняки стали. Нужно крепко следить, что Степь не взорвалась и была дружна с Россией.

Неорганизованные, но уже немало телег просто срывалось с мест, улепётывая куда глаза глядят, лишь бы только не достаться нам. В том большом и хаотичном лагере, который был возле Измаила, где, по всей видимости, хранилось немалое количество припасов, уже была паника. Всё это было похоже на взъерошенный муравейник, где муравьи не организованы, а каждый сам по себе и просто убегает.

И в этих условиях далеко не все обеспокоены своим имуществом, некоторые побросали всё и спасаются сами.

Между тем, возле Измаила только на первый взгляд собрано не менее чем десять тысяч турецких войск. Немалая цифра, если учитывать то, что в самом городе не меньше чем двухтысячный гарнизон.

– Ваше высокопревосходительство... – в башню, с которой я обзирал пространство у Измаила, ворвался Кашин.

Он явно ещё был под впечатлением от боя, глаза как у того бешеного наркомана. Хотя... Признаться, и не знаю, как бешеные наркоманы должны выглядеть, но, наверное, так, как Кашин сейчас.

– Иван, подойди со своими ребятами на западную часть

стены и откройте со всех орудий беспорядочную стрельбу в сторону турок, – говорил я, указывая направление рукой.

– Будет сделано! – несколько разочаровавшись, сказал Кашин и побежал.

– Но старайтесь трофеи не попортить! – кричал я ему вслед.

Иван, наверное, хотел, как тот ребёнок, похвастаться своими успехами, рассказать мне, эка он лихо справился с задачей. А вот я, как не самый лучший родитель, слушать об успехах своих «детей» не пожелал. Напротив, накинул ещё задач.

Пряники будут, но раздача их в планах на после. Пока что нужно неприятелю раздать плетей.

И скоро послышались выстрелы турецких пушек по турецким же подразделениям. Хотя пушки все же уже русские.

Как я и предполагал, начало обстрела турецкого лагеря под Измаилом усилило панику среди турок, и даже уже выстроенные для атаки сипахи и те решили, что лучше для них будет ретироваться.

Ну а когда ещё и гордость Османской империи, тяжёлая кавалерия, устремилась прочь, началось повальное бегство. Тут стрелки добавили, сделали десяток метких выстрелов, ликвидируя особо рьяных османских офицеров. И сейчас я с удовольствием наблюдал за тем, что многие обозы оставляются турками. Так что прибыль будет.

Измаил наш, и мы перерезаем ещё один путь снабжения

турецкой армии. Если фельдмаршал Миних поднажмёт на турок в районе Бендер, то как бы не случилось самое позорное для Османской империи событие. И для России это было бы колоссальным успехом, если бы турки сдались.

Вот только это вряд ли, ибо турецкие военачальники прекрасно понимают, что если сдастся их армия, то может случиться так, что и Константинополь будет некому защищать. А не будет Стамбула – не будет Османской империи.

Так, может, следует подумать о том, чтобы нанести удар в самое сердце врага?

Глава 5

*В России любят затевать реформы только потому, что так легче скрыть неумение править.
П.А. Столыпин*

Петербург

1 июня 1736 года

Государственный совет Российской империи проходил не просто в усечённом формате. Учитывая то, сколько членов Совета не хватало, можно подумать, что это и вовсе встретились заговорщики.

Однако в русском обществе и на вершине власти чувствовалась усталость от заговоров, интриг. И многие хотели сперва посмотреть на то, как новая метла станет выметать пыль и откровенную грязь из России. Метла – это канцлер Норов. Почти каждый из собравшихся, включая и государыню, в той или иной мере был обязан новому канцлеру, который, словно тот ненаигравшийся ребенок, воюет сейчас с турками.

А если бы даже были и те, кто задумывал изменить существующее положение дел, то пока точно ничего бы не предпринимали. Слухи, что новый канцлер под пули лезет так, как иные самые смелые генералы не могут себе позволить, ходили в Петербурге сразу же после того, как Александр Лукич Норов отправился воевать.

Если он так себя не бережет, если в застенках Петропавловской крепости, как недавно разнеслись вести, замучен до смерти Андрей Иванович Ушаков, а другого Андрея Ивановича, но уже Остермана, готовят к казни, то зачем же играть своей жизнью. Вон, сколь было много недовольным правлением Петра Великого, но ни одного дворцового переворота не решились делать. Казаки бунтовали, стрельцы, но не представители власти. Или же они просто очень быстро проиграли, сделав ставку на слабовольного сына Петра Алексея?

– На том позвольте мне, председателю Государственного совета Российской империи, считать наше собрание открытым, – провозгласил курляндский герцог Эрнст Иоганн Бирон.

После похорон Анны Иоанновны герцог некоторое время жил в Петербурге затворником, не появлялся в обществе, кроме только обязательных приемов. После посетил Курляндию, главой которой он всё-таки является, еще немало внимания уделил своим конным заводам.

Причём герцога заинтересовали не только конные заводы – он и выкупил большую часть разрастающегося каретного завода. На фоне, казалось бы, всеобщего помешательства промышленностью и новыми технологиями, Бирон также заинтересовался и решил включиться в этот процесс.

Хотя нельзя утверждать, что он делал это в угоду моде. Не было повальной заинтересованности в новшествах и во всём том, что было показано в Петербурге на выставках русских

достижений. А дворянство, призванное по большей степени служить и кормящееся со своих поместий, промышленность всё ещё не воспринимало всерьёз. Многие так и вовсе считали, что не пристало благородному заниматься какими-либо производствами.

— Господин вице-канцлер, первый доклад ваш, — на правах главного человека на собрании, после престололюбительницы, конечно, Бирон предоставлял слово Бестужеву. — Опишите положение дел вокруг России.

Удивительным образом, но в последнее время с поразительной скоростью герцог продвигается на ниве познания русского языка и культуры. Сложно сказать, с чем именно это связано. Возможно, какие-то внутренние потребности, инстинкт самосохранения, подсказывают, что если он не будет меняться, то, в принципе, он уже не нужен этой Российской империи. Он — Бирон, он пережиток, мастодонт, который словно бы лишний в системе власти России. Фаворитом не быть, хотя Эрнст Иоганн и не отказался бы помять Елизавету. А кем еще быть? Министром? Так там же работать нужно не покладая рук. А тут конные заводы, худо-бедно, но выходят на самоокупаемость. Лучше им внимание уделить.

Вместе с тем горечь от потери императрицы и его любовницы прошла. Герцог попробовал было дело закрутить пару любовных интрижек, но почувствовал, что несколько охладил к этому делу. Так что по большей части времени уделял своей семье и, как это ни странно, хотел быть полезным Рос-

сии – причём как в частности, торгуя лошадьми за относительно низкие цены, так и в общем, стремясь помогать тому же Шувалову, на которого взвалилось огромное количество дел. Но делал это герцог не системно, от случая к случаю и по настроению. И все же...

Тем временем Алексей Петрович Бестужев-Рюмин встал, поправил свой тёмно-коричневый сюртук. Разложенная папка была в руках у вице-канцлера, но всем своим видом он показывал, что владеет материалом настолько хорошо, что ему нет никакой необходимости подсматривать в свои записи.

– С вашего позволения, ваше великое высочество, – обратился Бестужев к государыне. – Я начну свой доклад со Швеции. Конечно, война с нашим северным соседом не продолжается, перемирие в действии. Но с этим апломбом в ближайшее время нужно что-то решать. Датские дипломаты начинают выказывать волнение и тайно уже спрашивают, готовы ли мы в ближайшее время пойти с ними на Антишведский союз. Поляки не против поучаствовать в этом деле.

Бестужев сделал паузу, и установилось неловкое молчание. По сути, по этому вопросу сейчас мог высказаться только один единственный человек, но тот, который находится на войне. Это исключительно позиция нового канцлера Российской империи Норова. Это он категорически отказывался заключать мирное соглашение со Швецией.

– Ваше мнение, – бросила Елизавета Петровна.

Она всем своим видом хотела показать, что собирается се-

годня деятельно поработать. Вот только государыня всё никак не могла войти в рабочее состояние.

Ночные приключения с её, теперь уже безоговорочным фаворитом, с Иваном Тарасовичем Подобайловым, до сих пор заставляли женщину обращать внимание на всплывающие эмоции относительно этого мужчины. Похоже, что страсть по Норову начинает постепенно заменяться страстью по Ивану Тарасовичу.

Сумел-таки Подобайлов удивить и в постели, и даже своим умом. Простым, казацким. Невольно вспоминался покойный Разумовский. Стоило только Ивану Тарасовичу раскрыться, перестать чувствовать себя куклой в руках похотливой великовозрастной девочки, и все. Вот он!

– Моё мнение, государыня, в том, что нам безусловно нужно заключать верное соглашение со Швецией. Наш главный торговый партнёр, – Бестужев посмотрел в сторону сидящего тут же Петра Ивановича Шувалова, – просит об этом.

– Пусть датчане отправляют к нам своего посла в открытую. Даже если мы не заключим с ними договор и не станем делить Швецию, шведы будут ещё более податливы к любым переговорам, – дельно заметила престолюбившая.

– Позволено ли мне будет сказать? – спросил дозволения Головкин, нынешний министр иностранных дел.

Такой министр, который и министерством управлять не может из-за деятельности вице-канцлера и канцлера. Но, между тем, член Государственного Совета.

Бирон жестом указал на Михаила Гавриловича Головкина и тот начал говорить:

– Если Россия заключит союз с Данией, то, конечно, Швеции придет конец. Он и так придет. Дайте срок, вернется Минах, или Норов и скоро русские штыки будут стучать в ворота Стокгольма. Но если смотреть дальше, то усиленная Дания нам нужна. Более того, строить корабли можно на верфях Копенгагена. Их же команды собирать. И Дания станет соперницей Англии, противовесом войн между англичанами и голландцами. Нам и Америку будет проще с датчанами осваивать. Мы закрываем Балтийское море и все...

– Что все? – негодовал Бестужев.

– Господа! – руку поднял Бирон. – Это мнение господина Головкина и его мы обсудим позже. Сегодня на то планов не было.

Михаил Гаврилович присел. И плохо скрывал своего недовольства. Ему казалось, что Россия ведет слишком предсказуемую политику. А ведь можно сыграть на противоречиях. Нынче на пике противостояние на морях Англии и Голландии.

И почему бы России не определять победителя? Ведь если соединить морские возможности России и Дании, то сложно выступать против ведущих морских держав. А вот быть противовесом в их спорах – очень даже. Желаящая победить сторона обязательно предложит Российской империи особые выгодные преференции за военно-морской союз.

Бросив взгляд на министра Головкина, Бестужев поклонился, потом продолжил:

– Французский и прусский короли наперебой ищут нашей дружбы. Скорее всего, назревает большая европейская война. И после победы под Бандерами каждая из сторон хочет заручиться нашей поддержкой.

Лица у всех присутствующих разгладились. А кто-то и вовсе откровенно заулыбался. Всё-таки русским вельможам весьма приятно осознавать, что они служат тому государству, государыне, которая может диктовать свою волю в Европе. Ведь от того, чью сторону примет Российская империя, во многом зависит исход будущего противостояния европейских держав. Остаётся только бы закончить на победоносной ноте войну с Османской империей.

– Султан в иносказательной форме запрашивает переговоров о мире. Судя по всему, турки готовы уступить нам Молдавию и признать Крым с причерноморскими землями российскими, – выдал следующую порцию информации вице-канцлер.

– Вежливо отказывать, – подумав, сказала государыня.

На своём стуле заёрзал принц Антон Ульрих. Он уже давно просит русскую государыню, чтобы его отпустили на войну, а ещё и дали в командование тот новый корпус, который продолжает формироваться под Петербургом и в Москве.

Однако Анна Леопольдовна должна вот-вот родить, отчего не хочет отпускать своего мужа на войну. Он же побывал в

армии? По капризу Анны вернулся. И пусть хотя бы дождет-ся родов, должных скоро случиться.

Похоже, что мать будущего наследника российского престола всё-таки не так уж и ровно дышит по отношению к своему мужу. Правда странная любовь, когда жена периодически унижает своего мужа. Но чужая семья – потемки. Елизавета же благодушно откликается на просьбы и даже капризы Анны Леопольдовны.

– Дополню, господин вице-канцлер, что одна всем нам известная персона, должная, впрочем, находиться сейчас здесь, совершила дерзкие действия и захватила турецкую крепость Измаил. А это уже на самом Дунае. Если эту крепость удастся отстоять, то туркам ничего не останется делать, как откатываться за Дунай. А это совсем другие переговорные позиции, – сказала Елизавета Петровна.

Бестужев поклонился.

– Вероятно, самое главное, – после некоторой паузы продолжил Алексей Петрович, – речь Посполитая открыто вступает в войну с Османской империей. Король Август Третий посылает польское войско в составе тридцати пяти тысяч солдат и офицеров под командование генерал-аншефа и канцлера Российской империи Александра Лукича Норова.

– За наши деньги собрал армию, за наши её и отправляет... Так и мы могли вооружить верноподданных нашей государыни, – пробурчал, но так, что это было слышно всем, Пётр Иванович Шувалов.

Он тут же раскраснелся и понурил голову, понимая, что нарушил протокол и в целом приличие. Сказывалась необычайная усталость Петра Ивановича. Ведь так бурно и активно он не работал ещё никогда в своей жизни: то выставки, которые закончились многими подписаниями соглашений о сотрудничестве, потом ещё и активность в деле открытия Имперского банка.

В этом Шувалов сильно спешил, потому как хотел угодить Норову, чтобы уже к возвращению канцлера какое-нибудь одно из важных деяний было совершено. Может быть, тогда из ссылки можно будет вернуть и своего брата.

– Хитёр Август Третий. Увидел в канцлере России кардинала Ришелье. Вот и хочет угодить именно ему, посылая своих поляков в подчинение Норову, – сказал своё слово и князь Черкасский.

Говорил он без особой злобы. Скорее, словно произносил смешной анекдот. У Черкасского была своя ниша, которой он занимался плотно и при этом был доволен своим положением. Князь проводил реформу административного управления. Через него происходили назначения генерал-губернаторов, губернаторов.

Теперь у чиновников есть множество нормативных актов, в соответствии с которыми они должны будут исполнять свою работу. И многие из этих актов разрабатывал Черкасский и его люди. А ещё началась масштабная кодификация всех законов Российской империи. Так что он по праву за-

нимал место в Государственном Совете.

– И последнее, ваше великое высочество, господа, – заканчивал свой доклад Бестужев. – Французы, англичане и испанцы выразили своё желание прибыть в Петербург на конференцию по заморским колониям. Предполагаю, что нам будет дозволено иметь русские колонии в Америке.

Алексей Петрович сказал это так, словно бы только все и ждали, что нам европейцы разрешат колонии иметь.

– Господин вице-канцлер, мы не должны спрашивать разрешения иметь колонии. Мы должны лишь по своей доброй воле уведомить европейские державы, насколько распространяется наша власть в Америке или где бы то ни было ещё, – жёстко припечатала Елизавета Петровна.

Она не совсем понимала, что если ведущие европейские державы – остаётся лишь только дожидаться отклика от Голландии – желают приехать именно в Петербург для решения таких вопросов, как колониальные притязания каждой из стран, это уже большая победа для России.

И отнюдь не признание только того, что Россия имеет право владеть этими колониями. Это признание силы Российской империи, которая способна навести шороху далеко не в колониях, а именно в Европе.

Складывалась в целом такая ситуация, что если одна из сторон будущей войны заручится поддержкой России, то война эта может начаться буквально завтра – чтобы такой важнейший союзник, как Российская империя, не «соско-

чил».

Так что и Англия, и даже Франция, и Голландия, может, в меньшей степени Испания, но пойдут на соглашение и признают границы Российской империи, которые уже будут распространяться и на американский континент. Всё же западное побережье Америки пока что европейцам мало интересно. Туда сложно добраться, там нет очевидных выгод, вдали торговые пути. Чем вообще можно промышлять в тех краях? Одно дело – в Центральной Америке выращивать сахарный тростник, или в Южной Америке добывать серебро и, в меньшей степени, золото. На северо-западе американского континента, по их мнению, нет ничего ценного. Меха? Только что. И то, добраться бы до того меха.

Государственный Совет продлился ещё два часа. Заслушали и процесс подготовки к открытию сразу двух университетов. Это направление курировал Антон Ульрих. Пётр Иванович Шувалов зачитал доклад по промышленному развитию России с учётом уже приобретённых территорий и бывшего Дикого поля.

И после Государственного Совета из тех, кто заслушал доклады, не оставалось ни одного человека, кто бы не воодушевился, не поверил в то, что Россия движется правильным путём и всё у неё будет впереди.

– Принц, как только Анна Леопольдовна подарит нашей державе наследника, я не буду более возражать тому, чтобы вы отправились воевать. Но открытие университетов должно

быть уже на завершающем положении, – бросила Елизавета Петровна, после чего поднялась и направилась прочь.

Ей ещё нужно будет подготовиться к приёму любимого человека. Ведь уже послезавтра Подобайлов отправится на фронт. И не просто так отправится, а, будучи в чине генерал-майора, возглавит переход нового корпуса, направляющегося на войну с Османской империей. Того корпуса, о котором мечтал Антон Ульрих.

Это три новых дивизии, которые укомплектованы по большей части по образцу, составленному Александром Норовым. Не только по всей России нынче выгребали и штуцеры, и ружья, и пистолеты. Тульские и Демидовские заводы, а также Сестрорецкий, выдали новые партии пушек, причём и корабельных, и полевых, и осадных. Некоторое вооружение пришлось закупать и у англичан и голландцев.

Однако из ушедших в отставку, из охотников, из частей, которые прибыли из Сибири и от пермских и уральских владений Строгановых, удалось укомплектовать ещё одно боеспособное подразделение.

Выходило, что в подчинение Норову в самое ближайшее время отправляется, считай, почти семьдесят тысяч войск, из которых половина будет поляков. И все думали, что если Норов сможет распорядиться правильно этой мощью, то Россия будет действовать по отношению к Османской империи ещё более решительно, жёстко, и, возможно...

Нет, пока что никто не верил в то, что Стамбул может пре-

вернуться в Царьград. Но ещё недавно никто не мог поверить в то, что граница с Османской империей может проходить по Дунаю. А теперь это та цель, от которой Россия отказываться не хочет. То самое малое, что Российская империя собирается взять у своих извечных врагов.

Глава 6

*Кто храбр – тот жив, кто смел – тот цел.
Александр Васильевич Суворов*

Измаил

12 июня 1736 года

Большая часть галер и парусники ушли. К Измаилу дошел один русский фрегат и сообщил, что выход из устья свободен. Мол, можно теперь и уходить всей дивизией. Сделали свое дело, можно и отдыхать. Хотя я прекрасно понимал, что нельзя покидать такое место, даже если и разрушить крепость до основания. Русский Измаил – это кость в османском горле.

Да, у них по близости есть еще и Аккерман, будущий Белгород-Днестровский. Но там крепость не предназначена для приема грузов и людей в еще большей степени, чем небольшой Измаил. Так что логистика у врага нарушена основательно. Тем более, что Дунай – это, как ни крути, важная артерия и для османов. А тут мы стоим.

Галеры и парусники увозили очень много чего. Провианта так и на сто тысяч солдат хватит на месяц. В Одессе, наверняка, не достанет складов, чтобы хранить и половину добра, взятого в Измаиле. Да там и те трофеи, что в самом Хаджибее остались, негде складировать.

Так что... Часть будет отдана Волынскому. Если иметь в своем распоряжении немалое количество провианта, куда как справнее можно общаться с людьми, раздавая одним еду, нанимая на работы за еду других. Вот пусть и занимается. Севастополю быть!

Но шло время. Неделя... вторая уже пошла. И я начинал ощущать то, что, по моему времени, ощущал Наполеон, когда сидел в Москве. Нет, Измаил я не сжег. И не было разложения в моей почти что дивизии, что тут стояла. Но вот бездействие, а еще и медленно приходящее чувство, словно ошибся, довели.

А тут еще и пойманные языки пели о страхах ужасных, объясняющих относительное затишье. Целый канцлер Российской империи, считай, что заперт в Измаиле, в городе, находящимся до сих пор в тылу османов.

– Ваше высокопревосходительство, вам нужно срочно уходить, – сказал Иван Кашин.

Я молчал. Мой разум пока не мог побороть эмоциональную составляющую. Не выходило принять правильное решение, как ни старался. Ведь однозначных выходов из положения не было. Ну или я не убедил сам себя в правильности одно из них. Ведь если я сейчас, под покровом ночи, уйду, то это будет бегством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.